

Мои любимые сказки — 2

Алёна Бессонова

Алёна Бессонова

Мои любимые сказки – 2

«Издательские решения»

Бессонова А.

Мои любимые сказки – 2 / А. Бессонова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743269-0

Реплика автора вместо аннотации: Вы умеете писать сказки? Наверное. Просто вы никогда не пробовали. А я умею. И пишу. Я рассыпаю свои сказки, как бусинки: берите, любуйтесь! Каждая из них красавица. Не верите? Прочтите! Я предлагаю вам их с любовью. Если какая-нибудь покажется корявой, некрасивой, неубедительной, переверните страничку — следующая будет лучше.

ISBN 978-5-44-743269-0

© Бессонова А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Сказки о тех, кто лапкой	6
О кошке и собаке	6
О кедре и бобре	9
О волке и зайце	12
о коте и ките	15
О кабане и свинке	18
О земляном червячке и гусенице	21
О Полкане и лебеде	23
О кроте и кролике	26
О белом грибокe и белке	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мои любимые сказки – 2

Алёна Бессонова

Дизайнер обложки Алёна Бессонова

© Алёна Бессонова, 2018

© Алёна Бессонова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4474-3269-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Сказки о тех, кто лапкой чесет ухо

О кошке и собаке

Кошка, по прозвищу Дунька, лежала на самом краешке крыши одноэтажного дома. Казалось, она легла погреться на солнышке и нечаянно заснула. На самом деле, это было не так. Дунька притворялась спящей: с неё уже стекал седьмой пот, и шерсть накалилась так, что сил не было терпеть, а спать вовсе не хотелось, хотелось есть!

Еда была, но не у неё. Еда стояла у собачьей будки. Из миски тянуло тёплым парком и нестерпимо пахло. Пахло вкусным свежесваренным мясом! Кошка ждала момента, когда можно будет выхватить из миски кусок и хоть немножко поприжать голод. От голодухи болел живот, и что хуже всего – он урчал, с каждым часом всё громче и громче.

– За что? – думала Дунька. – За что, со мной так?! Почему эту чёрную лахудру кормят, а меня нет?

Под лахудрой кошка подразумевала громадную собаку породы чёрный терьер. Дунька лукавила, она знала, почему её не кормят. В один из дней, кошка перестала ловить мышей. Тогда хозяин отказался её кормить. Не нравились кошке сырые мыши! Мало того, невкусные, так ещё нужно гоняться за ними по всему подвалу.

– Лахудре миску ставят прямо под нос! – с возмущением думала кошка Дунька, и от злости хвост её покрывался мурашками, – Я почему-то должна добывать пропитание сама! Почему? Чем я хуже лахудры?

У Лахудры тоже было имя, хозяева звали её Тоськой. Она была непросто огромная, а огромная, с длинной чёрной кудрявой шерстью по всему телу, и даже на голове, отчего совершенно не было видно глаз. Невозможно было понять – наблюдает Тоська за кошкой или нет. Иногда, казалось, что нет. Тогда Дунька тихонько подкрадывалась к миске и тут же получала лапой по морде. Так и ходила по двору от шишки до шишки, от синяка до синяка.

– Вот что ты делаешь, чтобы тебя кормили? – вопила кошка, после каждой оплеухи. – Лежишь себе, лахудра, и всё!

– Работаю я, – лениво отвечала Тоська, вытягиваясь во всю длину своего могучего тела.

– Кем ты работаешь? – возмущалась Дунька.

– Не кем, а чем! Видом своим работаю! – невозмутимо отвечала собака. – Видела, как хулиганы обходят наш дом? Тихонечко, по заборчику. Стараются меня не разбудить, не потревожить. Зато все фруктики на месте, деревья не поломаны. Помидорчики не сорваны. Свёколка и морковка в грядочках сидят. Хозяева довольны!

– У меня тоже вид угрожающий, – ворчала кошка. – Я вся задрипанная, облезлая, немытая, нечёсанная! Тоже не всякий осмелится подойти... Однако, меня за это не кормят...

– Ладно! – смилостивилась собака. – Иди, оближи миску...

Дуньке и это в радость, и это сгодится! Правда, летом! Летом можно ещё где-нибудь подхарчиться, например, в поле зерна свежего погрызть, семечек мягоньких прямо из подсолнуха полугзгать. Но сейчас на дворе стояла осень, скоро объявится зима. Зимой не забалуешь. Под драной кожей кошки ни грамма жира, значит, греть себя нечем. Зиму кошке не пережить, и дом её не пускали.

Однажды Дуньке всё-таки удалось подойти к миске, так, что собака не услышала. Тоська лежала, закрыв глаза, и тяжело дышала.

– Спит! – решила кошка, и начала с жадность поглощать еду. – Как вкусно, как вкусно! Дрыхни, дрыхни, – нервно думала кошка, проглатывая большие куски мяса.

– Не дрыхну я, – тихо сказала собака, будто услышала мысли Дуньки. – Болею, совсем плохо...

– Может, ты умрёшь? – оживлённо мяукнула кошка. – Класс! Вся еда достанется мне!

– Глупая ты, Дунька, – еле слышно прошептала Тоська. – Я умру, никакой еды не будет! Не будет меня, не будет будки, не будет и миски...

– Так, так, так, – задумалась кошка и почесала оборванное ухо. – Точно! Помрёт собака, и миску с едой хозяева уберут, тут и я от голода сдохну. Надо лахудру лечить!

Дунька мигом полетела в поле, там она собирала лечебные травки. Уж, что что, а болезни кошка врачевать умела. Главное, ведала чем. Каждую травинку знала, какая от какой болезни помогает. Принесла кошка Тоське целую охапку травы, положила перед мордой.

– Ешь! – громко и твёрдо приказала Дунька. – Трава лечебная!

– Не ем я траву! – заартачилась Тоська. – Не травоядная!

– Ешь, говорю! – затопала лапами кошка.

Собака нехотя съела охапку травы, через минуту открыла глаза, попросила:

– Тащи ещё!

Десять раз гонялась кошка в поле. С такой бешеной скоростью носилась, сама себе удивлялась – откуда что берётся? Всё боялась опоздать, тревожилась не успеть. На десятый раз прибежала и легла. Устала.

Собака травы наелась – встала, походила немного, потрясла шерстью.

– Знаешь, Дунька, полегчало! – удивлённо сообщила Тоська. – Выходит, ты меня вылечила!? Выходит, я тебе жизнью обязана?!

Кошка не ответила – уснула, умиралась очень.

– Поспи, поспи, – ласково проурчала Тоська. – посторожу! – Она примостилась рядом с Дунькой, прошептала ей в ухо, – теперь всю еду делить будем пополам!

Последнюю фразу Дунька услышала сквозь сон, улыбнулась. Теперь за своё будущее она была спокойна.

Зима, как всегда, пришла неожиданно. Кошка на чердаке замёрзла. Утром спустилась к собаке позавтракать. Двор был белый, белый. У будки парила вкусным духом миска с мясом.

– Тебя жду, не ем, – сказала Тоська. – Замёрзла? Полезай в будку, здесь теплее, будем друг дружку греть! И кто это сказал, что кошки с собаками не дружат? Ещё как дружат! – подумала Тоська и лапой поплотнее прижала к себе Дуньку, – пусть погреемся, бедовая, совсем озябла...

О кедре и бобре

Молодой кедр был всеобщим любимцем в лесу. Почему? Давай загибать пальчики почему? Первое, потому что молод и строен. Второе, потому что здоров и не кряхтел, как старые деревья. Третье, потому что под его тенью любили отдыхать лесные жители – лоси, медведи, лисы и другие мелкие и крупные звери. Четвёртое, потому что кедр приглашал в гости всех желающих полакомиться его вкусными орешками. И пятое, кедр выращивал птичьих детёнышей. Их родители с удовольствием селились на его могучих ветках и плели свои гнёзда. Можно ещё долго загибать пальчики, почему кедр любили в лесу, но мы на этом остановимся. Тем более что пальчики на ладошке уже закончились.

Кедр считал, что ему повезло – он вырос в тихой речной заводи, вдали от людей. Людей он боялся.

Когда кедр был ещё зёрнышком, его мама рассказывала о людях с топорами и пилами. Они прибегали в лес пилить деревья. Спилив, укладывали поваленные стволы на шумные машины и увозили. Больше бедняг никто не видел. Мама кедра не хотела сыночку такой участи, поэтому упростила ветер занести своё зёрнышко подальше от людских троп. Так кедр попал сюда, в начало большой реки, и был этому очень рад.

Однажды, ранним утром, кедр услышал, как рядом с ним упало дерево. Он открыл сонные глаза, но ничего не увидел. Туман стоял густой пеленой. Через некоторое время он опять услышал стук падающего ствола. Сердце кедра бешено застучало – неужели пришли люди с топорами? Но нет, стука топоров он не слышал, а деревья продолжали падать.

– Кто здесь? – тихо спросил кедр.

– Я, – также тихо ответил кто-то.

– Ты, это кто?

– Я это бобёр! – ответил кто-то.

– Что здесь делаешь, бобёр? – ещё тише спросил кедр.

– Строю запруду для своих малышей, – ещё тише ответил бобёр.

– Что такое запруда? – продолжал спрашивать кедр.

– Вот сейчас, – неожиданно громко и весело заговорил бобёр. – Нагрызу стволов, перегороджу реку, будет бассейн. В нём поселю бобрят.

– Зачем же ты грызёшь молодые деревья? Им ещё расти, и расти, – удивился кедр. – В лесу сухих полно...

– Я не лошадь издали тащить сушняк? – проворчал бобёр. – Под носом деревьев полно. Подумаешь, погрызу маленько! Другие вырастут. Посмотришь, уже осенью всё зарастёт...

– Зарастёт-то зарастёт, но эти деревца умрут, – тяжело вздохнул кедр.

Бобёр вылез из воды, обошёл кедр вокруг, внимательно его осмотрел.

– Ты тоже подходишь! – уверенно сказал он. – Тобой закончу строительство плотины.

Кедр не испугался, нет. Ему просто захотелось взглянуть в глаза бобру, но тот быстро шмыгнул в воду. В зарослях послышался шум. Кто-то гулко шёл, ломая прибрежные кусты. Медведь! Это, действительно, был медведь! Он только что проснулся после зимней спячки и проснулся ужасно голодным.

– Привет, дружище кедр! – рыкнул медведь сонным голосом. – Вот, пришёл, рыбки половить. Как ты думаешь, она уже поднялась со дна?

– С добрым утром, Михалыч! Не видел ещё. Не плескалась!

Медведь по пояс зашёл в воду и начал лапами шарить по дну:

– Холодновата водица, – заметил косолапый. – Думаю, ничего не наловлю. Есть хочется...

Тут его взгляд упал на бобра, тот вылез любопытничать.

– О! – воскликнул медведь радостно. – Тебя-то и съем!

Не успел бобёр моргнуть глазом, как медведь оказался рядом с ним.

– Всё! – подумал бобёр. – Конец пришёл!

Он зажмурил глаза. Приготовился умирать.

– Ать ты! – услышал бобёр сквозь страх голос медведя. – Эхма! Чего дерёшься, кедр?!

Кедр, что было сил, ударил медведя веткой по голове.

– С ума сошёл, косолапый! – закричал кедр. – У бобра дети маленькие!

– У меня тоже маленькие. Есть хотят! – обиженно проворчал медведь, потирая лапой шишку на голове.

– Медвежата любят кедровые орешки? – спросил кедр.

– Любят! Но за ними на тебя не полезут. Оголодал за зиму, силы не хватит!

– Кукушка! – позвал кедр. – Принеси-ка, вон тот мешок, что в прошлом году туристы под берёзой бросили!

Кукушка быстренько стогнала туда и обратно, и вручила медведю довольно большой мешок.

– Подставляй, косолапый, мешок буду орехи трясти!

Ветви кедра заколыхались, как при сильном ветре, с них обильным дождём посыпались шишки.

– Ну что! Хватит мешка орехов? – спросил кедр.

– Хватит! – удовлетворённо крякнул медведь и, взваливая себе на хребтину нелёгкую поклажу.

– Съедите, приходи!

Кедр увидел, как медведь, сгибаясь под тяжестью ноши, зашагал в лес, а бобёр поскакал в другую сторону.

– Ты куда бобёр? – закричал кедр. – Не бойся, он больше не тронет!

– Я не боюсь! – услышал кедр голос удаляющегося бобра. – За сухим деревом побежал. Запруду достраивать надо! Больше не буду молодые деревца грызть, пусть растут! Они ведь тоже чьи-то детки... Лучше дружить! Правда?!

– Правда... – тихо ответил кедр. – Дружить оно приятнее...

О волке и зайце

Заяц, по прозвищу Косой, бежал по лесу, петляя и затаиваясь. Он не просто бежал, он уходил от погони. Волк преследовал его с первого луча солнца. Сейчас солнечный диск висел прямо над головой, значит, погоня длилась целое утро. Скорость зайца больше, чем у волка, но в данный момент Косой начал задыхаться – он устал.

– Как надоело так жить! – грустно подумал заяц. – За что всё это? Почему я должен трястись от страха, съедят меня сегодня или нет? Почему каждое утро я должен рассматривать свою шкурку, достаточно ли она бела, не будет ли меня видно на снегу? Почему боюсь каждого треска, каждого всплеска, каждого вздоха?

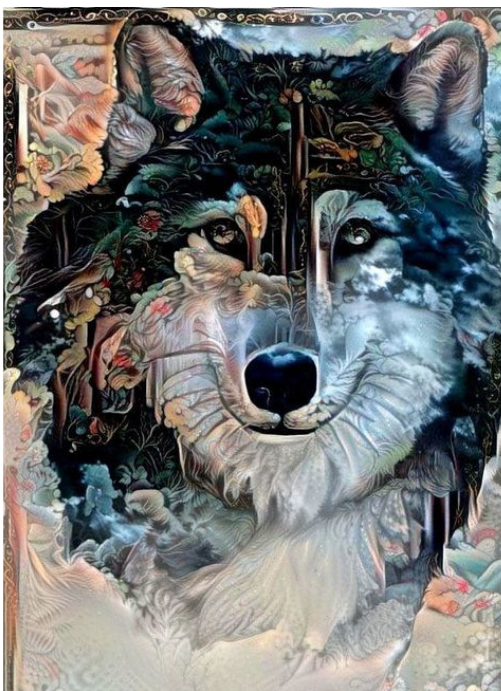
Заяц прыгну в сугроб, и быстро работая лапами, зарылся в снег. Авось пронесёт! Ан нет! Дрожь в теле была так велика, что убежище разрушилось мгновенно и заяц стал виден как на ладони.

– Вперёд, Косой, вперёд! – крикнуло его трусливое сердечко, и заяц побежал.

– Сколько мне лет? – думал заяц. – Не знаю, сколько мне лет! Зато точно помню, что уходил от лисы четыре раза, от волка – три, даже от кабана один раз убегал. Это только в этом году! Сколько мне лет, не помню! Помню все свои ночные страхи, все свои дневные горести, все свои утренние беды. Не помню ничего хорошего. Сам я прекрасное животное: никого не ем, не с кем не воюю, никого не пугаю. За что мне такая жизнь! Все!

Заяц резко остановился и замер.

– Всё! – сказал он себе. – Сейчас заберусь на это дерево, если достанет, пусть съест!

Заяц поднялся по ветвям почти на самую верхушку, свернулся клубочком и затих.

– Как мне надоела такая жизнь! – думал волк, преследуя зайца. – Зачем бегу? Нажрался утром до отвала. Волчица принесла целую курицу, а всё равно бегу. Меня гонит инстинкт хищника, задрать, кого-нибудь, придушить! Я вожак стаи, заслуженный волк большого леса покорно подчиняюсь какому-то инстинкту. На кой мне сдался этот заяц?! Я даже есть не хочу! Или уже хочу?

Волк резко остановился, что бы понять, хочет он есть или нет? Понял, что не хочет, но опять побежал вперёд.

– Беги, беги! – кричало волчье сердце.

– Тьфу ты, ну ты! – разозлился волк, притормаживая перед высоким деревом, – буду ломать инстинкт! Пусть, лучше он мне подчиняется, чем я ему!

В это время рядом с деревом что-то хрустнуло. Волк поднял глаза и увидел два ствола охотничьего ружья. Самого мужика волк видел смутно. Стволы чётко. Чётче не бывает.

– Кранты тебе, старый дуралей, добегался! – подумал волк и закрыл глаза. В полной тишине серый услышал, как указательный палец охотника лёг на спусковой крючок.

– Ой-па! – крикнул мужик, когда на его голову, с дерева, свалилось что-то тяжёлое. Выстрелить охотник не успел, упал в обморок.

Заяц очнулся первым, именно он выпал на голову мужику. Волка вывел из оцепенения резкий вскрик. Охотник не шевелился, ружьё тоже.

– Ты упал или прыгнул? – строго спросил волк.

– Ну, уж упал, я хорошо держался! – ответил, мелко постукивая зубами, заяц.

– Зачем прыгнул, сожру ведь? – удивился волк.

– Представил, как тебе страшно и прыгнул! Ружьё страшнее зубов, от него не убежишь! – ответил заяц, пытаясь унять дрожь. – Если честно, мне надоело бояться, будь что будет!

– Похвально! – улыбнулся волк. – Уважаю! Знаешь, Косой, не бойся больше никого. Кто тронет, говори, что ты под защитой Вульфа, вожака волчьей стаи. Вульф, это я! Сейчас беги отсюда вдруг охотник очнётся, ружьё-то рядом.

– Спасибо! – сказал заяц и помчался восвояси.

– Пожалуйста! – ответил волк и тоже потрусил прочь.

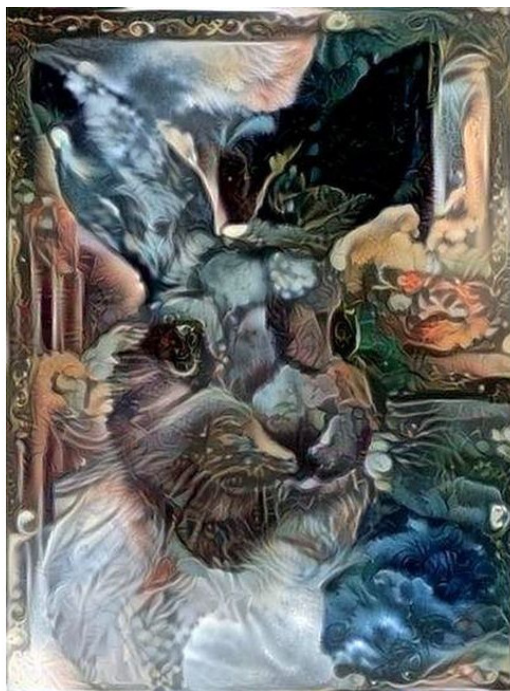
Прошла зима, потом весна, пожарило лето, прокатилась осень, выпала снегом новая зима.

Однажды, на лесной опушке, волк повстречал зайца. Тот лежал на пеньке, грел пузо.

Был он толстый и рыхлый. Косой слышал, как к нему подошли, но глаза открывать не спешил.

– Я под защитой Вульфа, – лениво сказал заяц. – Слыхал?! Я под защитой Вульфа, вожака волчьей стаи!

Тот, кто подошёл не двинулся с места, тогда заяц открыл глаза.

– Чего разлёгся! – спросил волк. – Обленился совсем, растолстел, травы на зиму запас и лежишь?

– Здравствуй, Вульф, – приветливо улыбнулся заяц. – Извини. Не признал!

– Чего так разжирел? – строго спросил волк. – Бояться перестал? Не бегаешь уже? Жир не растрясаеть?!

– Забыл, как бояться, – лениво ответил заяц. – А ты, смотрю, такой же поджарый, стройный!

– Волка ноги кормят, – нахмурился Вульф. – Рискнешь, Косой! Съесть тебя не съедят – не посмеют! А вот сердце от ожиренья может лопнуть, не боишься? Работать не пробовал?

– Нет в лесу работы. Еды полно, а работы нет! – грустно ответил заяц.

– В секретари ко мне пойдёшь! – тоном, не терпящим возражения сказал волк. – Портфель таскать будешь. Иначе...

– Знаю, знаю, что иначе... – засуетился Косой, – где портфель? Куда тащить!

– Как куда? – вскинул мохнатые брови волк, – Вперёд! Всегда только вперёд!

Так и бегают они до сей поры – волк впереди, заяц с портфелем за ним. Оба стройные и поджарые.

О КОТЕ И КИТЕ

Жил-был кот, ещё совсем нестарый, но основательно потёртый. Почему потёртый? Потому что никому не нужный. Бездомный совсем. Вечно голодный. Собаками ободранный. Злыми людьми побитый. За что побитый? За то что вороватый. Что кот воровал? Так еду! Есть всем хочется! Обиталище выбрал себе кот неудачное. Посёлок с высокими богатыми домами. Не знал кот никаких других мест на земле. Здесь родился, здесь и выброшен был на улицу. Невзлюбила его хозяйка из-за пушистой шерсти, прилипающей к её дорогим коврам. Дома в посёлке стояли добротные в полах не одной дырочки. Нет дырочек, нет мышей. Даже мусорных баков в посёлке не было. Хозяева весь мусор в пакеты складывали и увозили в неизвестном направлении. Куда не говорили, знал бы кот куда, нашёл бы. А так, нет мусорных баков, нет и пропитания. Совсем кот оголодал, жизнь стала ему не мила. Решил утопиться. Пошёл к реке, встал на обрыве, собрался уже броситься, но услышал голос:

– Кот, не балуй! Глупости себе не позволяй. Сейчас в жизни чёрная полоса, завтра обязательно будет белая.

Кот присмотрелся, заметил из реки рыба голова торчит. Не сказать, чтобы крупная, но и не мелкая. Так себе, средненькая голова.

– А говорят, рыбы немые? – удивился кот. – Говорят, они не говорят!

– Кто говорит-то? – спросила голова.

– Да, люди говорят!

– Откуда, людям знать говорим мы или нет?! – В свою очередь удивилась рыба. – Если мы с ними говорить не желаем, это совсем не значит, что мы немые. Что рыбный народец от них хорошего видит? Поймают – съедят! Хищники они, ненасытные...

– Точно! – согласился кот. – Ты, вообще-то, кто?

– Я то? Кит!

– Ки-и-ит? – ещё больше удивился кот и проскреб лапой затылок. – Для кита, вроде маловат...

– Ты когда-нибудь китов живьём видел? – разозлился кит. – Или только на картинках...
– Не видел! И на картинках тоже не видел, – задумчиво ответил кот. – Сдаётся мне, киты крупнее и в реках не водятся.

– А где водятся? – выкатил рыбы глаза кит.

– Говорят, в океанах – неуверенно ответил кот.

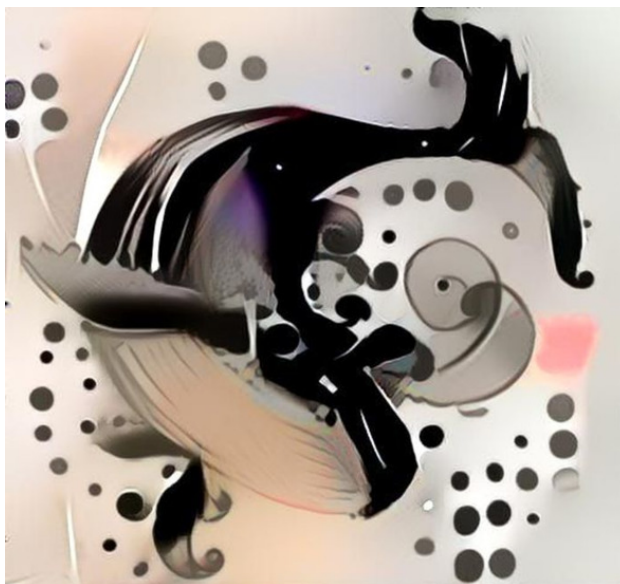
– Ты океан видел? – продолжал настаивать кит.

– Не видел! – сознался кот.

– Вот и не мяукай зря. Океанов на земле не бывает, – настойчиво продолжал кит. – Моря есть, в них реки впадают и из них выпадают. Не слыхал я чтобы в океаны реки впадали. Тогда откуда океаны воду берут? Вот! Ниоткуда. Яма без воды, что? Просто норка в земле. Норка не может быть океаном.

Кот минутку подумал и согласился.

– Наверное, ты прав, кит! Раз океанов нет, значит ты кит. Тогда я буду не просто котом, а камышовым котом, раз в камышах живу. Больше жить мне негде...

– Согласен! – кивнул речной кит. – Я кит, а ты камышовый кот! Есть хочешь?

– Спрашиваешь! Я топиться пришёл, потому что голодный! – грустно мяукнул кот.

– По правде сказать, я тоже голодный кит, – уныло пробурчал кит. – Слушай, а давай друг другу поможем.

– Как? – встрепнулся кот.

– Ты червяков нарыть можешь?

– А-то! – воскликнул кот.

– Их в мокрой камышовой земле, видимо-невидимо! Нарой с ведёрчко, – попросил кит. – За это я тебе мелкую рыбку во рту принесу, всё равно её щука сожрёт!

Сказали и разбежались в разные стороны. Через недолгое время кит подплыл к берегу, там его ждал кот с ведёрком червяков. Обменялся кит с котом подарками, оба очень довольны остались. Так и завязалась их дружба. Кот кормил кита, а кит кота.

Однажды, пришёл раздобревший кот на берег с очередной порцией червяков для кита. Погрузневший кит тут как тут:

– Хорош ты стал, кот, настоящий камышовый! – удовлетворённо заметил кит.

– Ты тоже ничего! Теперь на кита похож, а то так, пескарь какой-то!

Полюбовались они друг другом и разошлись в разные стороны.

- До ужина! – крикнул кот.
- До ужина! – подтвердил кит.

О кабане и свинке

Кабан выскочил из леса на асфальтовую дорогу. Дальше было овсяное поле. Кабан осмотрелся и понял, там в поле, ему не скрыться. Овёс ещё невысок, а охотники уже близко. Кабан отчётливо слышал лай их собак.

– Назад нельзя! – решил кабан. – Только вперёд! Может быть, повезёт, ямку в поле найду в неё и лягу.

Кабан нёсся вперёд быстрее выпущенной из ружья пули. Ни ямки, ни пригорочка, зато впереди виднелся кирпичный забор, а сзади охотники с собаками. Кабан перелетел через стену, как будто всю жизнь только и делал, что прыгал в высоту. Влетел и плюхнулся прямо в грязную лужу, да не просто в лужу, а на отдыхающего в ней домашнего свина – борова.

Боров взвизгнул, взбрыкнул, вывернулся из-под кабана и стремглав помчался в хлев.

Кабан выбрался из грязной лужи, отряхнулся.

– Б-р-р! Какая вонючая жижа, – заворчал кабан. – Я в лесу моюсь в лужах, но в них вода чистая, травами пахнет.

– Уж, какая есть! – услышал он сердитый голос. – Чем богаты, тому и рады. Тебя сюда никто не приглашал.

Кабан животное дикое своевольное, взъярился, обернулся и обомлел. Перед ним стояла бело-розовая свинка, молодая, чистенькая.

– За тобой гонятся? – спросила она. – Идём, спрячу тебя в хлеву. Быстрее! Охотники уже у ворот!

– Твои хозяева, не выдадут меня? – с тревогой спросил кабан.

– Хозяева в городе, здесь только сторож. Он без разрешения, чужих не пустит. Быстрее! – сказала свинка и поспешила в хлев. Кабан потрусил за ней.

В хлеву, развалившись посередине, лежал боров, он недовольно глянул на свинку:

– Зачем привела? Ещё один едок? Я своей порцией похлёбки делиться не собираюсь.

– Успокойся! – миролюбиво заметил кабан. – Твою похлёбку, есть не собираюсь. Даже если заставят.

– Тогда зачем пришёл?

– От охотников причется. Ты, что не слышишь лай собак? – недовольно спросила свинка.

– Э нет... – заволновался боров. – Я в этом не участвую. Сейчас они сюда ворвутся, невзначай перепутают и стрельнут в меня. Не пойдёт! Пусть уходит!

– Он останется! – твёрдо сказала свинка.

В это время раздался громкий стук в ворота.

– Откройте! – донесся повелительный голос охотника. – К вам забежал дикий кабан! Это опасно! Его надо пристрелить!

– Пусть он уйдёт! – завизжал боров. – Пусть! Пусть!

Сторож нехотя приблизился к воротам, зевнул.

– Не видел я здесь никаких кабанов! Хозяев нет, пускать никого не велено. – Сторож ещё раз сладко зевнул и пошёл восвояси.

– Пусть он уйдёт! – опять завизжал боров.

– Замолчи! – строго приказала свинка.

– Откройте, немедленно! – не отставали охотники. – Слышите, как волнуются свиньи, у них кто то есть!

– Замолчи! – умоляюще попросила свинка. – Я отдам тебе всю сегодняшнюю похлёбку, только замолчи.

– И завтрашнюю, и послезавтрашнюю! – заявил боров. Свинка утвердительно кивнула.

Сторож остановился у хлева, прислушался.

– Тихо тут! Никого нет! Сказал, не открою, идите прочь!

Охотники ещё немного пошумели у ворот, и ушли не с чем.

Кабан хотел бежать обратно в лес, но за забором вновь послышался шум. Приехали хозяева.

– Оставайся до вечера, – предложила свинка. – Когда всё улягутся спать, я тебя выпущу.

– Нет, спасибо! – обеспокоился кабан. – Тебя накажут, лучше сейчас уйду.

Но хозяева остановились у хлева, переговаривались друг с другом:

– Знаешь, что? – слышался мужской голос. – Завтра сюда приедут гости, придётся заколоть свинку. Приготовь её с гречкой и яблоками. Сейчас отдохнём, а завтра поутру забьём...

– Да, пожалуй, давай отложим до утра. Притомилась я... – согласился с ним тот, кто говорил женским голосом.

– Вот теперь, останусь, – невесело бросил кабан.

– Ух ты, смельчак нашёлся! Что ты можешь сделать? – ухмыляясь, бросил боров. Он радовался – теперь вся похлёбка достанется ему и не только завтра, а всегда.

Кабан обошёл хлев, осмотрел стены.

– Эта стена куда выходит? Во двор? – спросил кабан у свинки.

– Нет, – сквозь слёзы ответила свинка. – Стена выходит в поле, только всё напрасно, она толстая крепкая, тебе её не пробить!

– Не собираюсь, шуметь, – ответил кабан и начал рыть подкоп.

Он рыл всю ночь, не останавливаясь, источил до крови клыки, сбил копыта, но к рассвету увидел через подкоп небо.

– Пойдём, нам надо бежать, – едва шевеля языком, позвал кабан. – Скоро придут хозяева!

– Нет! – завопил боров. – Если она уйдёт, заколют меня!

Кабан собрал остаток сил, разогнался и сломанным клыком ударил борова в лоб. Тот на мгновение отключился. Этого мгновения оказалось достаточно, чтобы свинка вылезла на волю, за ней выскочил кабан.

Утро они встретили далеко в лесу.

– Это моя нора, – сообщил кабан, показывая глубокую яму под корнями дуба, – здесь, мы будем жить. Летом тут прохладно, зимой холодно. Другого пристанища у меня нет. Пропитание добудем самим. Тебе не страшно?

– С тобой, не страшно! – тихо ответила свинка.

О земляном червячке и гусенице

Юный червячок медленно полз глубоко под землёй. Он проделывал воздушные туннели к корешкам подшефных растений. Растений росло много, целая грядка морковки и свёклы.

Червячок понимал, без его туннелей земля заклёкнет, будет вязкой, как глина, и корешки растений задохнутся. Весь день и почти целую ночь червячок трудился, он мелко пережёвывал землю, выбрасывая из себя рыхлую, плодородную массу. Червячок уставал, но не прекращал трудиться. Лето горячая пора, уговаривал себя червячок, зимой ещё наотдыхаюсь. Ему в его жизни нравилось всё или почти всё. Одно «но» всё-таки было и не давало червячку покоя. Он был одинок! Не совсем, конечно, одинок, рядом всегда копошились другие червячки – его друзья. И всё же это было не то, не было у червячка рядом Родной души. Маму свою он помнил плохо. Ещё в детстве, вместе с большим куском земли на корнях молодой яблони, её увезли в другой сад. Однако, мамины предостережения червячок запомнил: «Никогда не выползай на поверхность земли, сынок, – говорила она. – Тебя могут раздавить сапогом»

Друзья червячка выходили наружу, а когда возвращались обратно, взахлёб рассказывали о солнце. Червячку было интересно, он им немного завидовал. Но однажды любопытство взяло верх.

– Надо выбраться на солнышко, – подумал червячок. – Может, посветлеет на душе?

И он выполз..

Какой хороший стоял день! Солнышко, только что проснулось. Оно умывалось. Утро было достаточно влажное и совсем нежаркое. Лёгкий ветерок шевелил листочки на деревьях. Червячок засмотрелся на цветущую яблоню.

– Красота-а-а... – блаженно улыбаясь, подумал червячок.

– Красота! – воскликнул червячок, когда увидел на одной из веток дерева гусеницу.

Гусеница медленно ползла от цветка к цветку, лениво выгибала спинку. Она была великолепна! Её эластичное, покрытое нежными волосками тело, переливалось на солнце всеми оттенками зелёного перламутра. Червячок застыл, скованный неожиданно нахлынувшим чувством.

– Сударыня, здравствуйте! – тихо, сухим от волнения ртом, промолвил он. – Сударыня, вы прекрасны!

– Привет, – не оборачиваясь, небрежно бросила гусеница.

– Как вас зовут, милая? – робко спросил червячок.

– Зачем, тебе знать! – равнодушно отозвалась гусеница. – Ты рассчитываешь на продолжительное знакомство?

– Я оч-ч-чень этого хочу, – запинаясь от волнения, вымолвил червячок.

Волоски на теле гусеницы затряслись от смеха.

– Ты? Ты? – спросила она. – Ты, чер-р-р-вяк! Забыл? Разве не чувствуешь разницу между тобой и мной? Разве не видишь, где ты и где я! Мой мир – цветы и фрукты. Мой мир – бабочки и стрекозки! Твой мир грязная земля и навоз! Навоз! Фу-фу-фу!

– Навоз, разве это плохо? – растерянно спросил червячок. – Навоз помогает земле выздороветь. Он лечит её. Без него она умрёт. Мёртвая земля ничего не родит! Мёртвая земля это пустыня. В пустыне не растут деревья. Если нет деревьев, нет и цветов. Где же ты будешь жить, если не будет цветов?

Гусеница хитро сощурила глазки:

– Ты не позволишь земле умереть, червяк? Правда, ведь не позволишь?

– Никогда! – решительно заявил червячок. – Пока я жив, земля будет живой!

– Вот и славненько! – хихикнула гусеница. – Иди себе работай! Я ещё не позавтракала, съела всего десять завязей!

– Ты ешь молодую завязь? – удивился червячок. – Убиваешь деревья?

– Подумаешь, деревья! – выгнула красивое тельце гусеница. – Деревом больше, деревом меньше. Посадят ещё!

В это время к червячку подбежала девочка, дочка хозяина.

– Папа, смотри! – закричала она и взяла червячка на ладошку.

– Осторожно не повреди, дочка, – отозвался отец. – Ой, какой большой! Труженик! Видишь, как хорошо разрыхлил землю на грядке. Будет этой осенью урожай. И всё благодаря ему и его друзьям.

Девочка бережно опустила червячка на землю.

– Пойди, дочка, принеси ведёрко со сладкой водой, надо подкормить его и его друзей, они заслужили.

– Мне! – громко закричала гусеница. – Мне сладкой воды, немедленно! Мне первой!

Хозяин стряхнул крикливую гусеницу на землю и придавил её сапогом.

– Какая мерзкая, быр-р-р, – поёжилась девочка. – Смотри, папа, сколько цветков объела?

Червячок не стал слушать, что отговорил хозяин дочке. Гусеница презирала землю, его любимые деревья, она была его врагом! И всё-таки ему было её жаль.

Отведать сладкой водички на грядку выскочили друзья червячка. Они устроили пир горой.

– Сударь, это вам мы обязаны сладким угощением? – спросила червячка юная червячиха. – Давайте знакомиться, мне очень приятно!

– Мне тоже – смущаясь, ответил червячок.

Теперь друзья были за него спокойны, он не будет одинок.

О Полкане и лебеде

Большая лохматая собака, по прозвищу Полкан, был не кровожаден. Он просто не любил, когда вторгались в его владения. Увидев непрошеного гостя, Полкан не сразу вскакивал и бежал. Сначала он высматривал врага, оценивал его наглость. Может быть, пришелец, нечаянно заскочил в его двор. Убедившись в преступных намерениях гостя, нападал. Нападал качественно, без суеты, без лая. Полкан хватал врага за хвост, раскручивал его владельца, как вентилятор раскручивает свою вертушку, и с силой швырял за забор. Через секунду раздавался «шлёп» и наступала тишина. Тишина длилась недолго, барабанная дробь убегающих лап, разрушала её сразу же после «шлёп». Побывав, однажды, во дворе Полкана, такие гости больше не возвращались. Полкан жил скучно, без приключений. Хозяин, на утренней зорьке, выпускал его погулять. Пёс убегал к озеру. Он любил смотреть, как взлетают утки, иногда пугал их сам. Посмеивался, когда те со страху кричали, как вороны попусту хлопали крыльями, кувыркались в воде, задевая камыши. Иногда Полкан заходил в озеро по грудь и смотрел:

– Почему я родился собакой? – размышлял он. – Хожу по двору, потягиваю маленько, скучно! Родился бы птицей, летал не приземляясь. Всё повидал бы. Везде сунул нос. Интересно!

Возвращаясь, домой, Полкан укладывался в будке, закрывал глаза и представлял себя птицей. Птицей он всегда кружил вокруг озера, потому что ничего другого представить не мог.

Не был нигде вот и не мог.

Однажды, как всегда, на рассвете бегал Полкан у озера и неожиданно услышал в камышах возню, учуял запах тёплой крови. Всего два прыжка потребовалось псу, чтобы увидеть как лиса, прикусив крыло молодого лебедя, уже почти добралась до его горла.

– Ах ты, негодяйка! – зарычал Полкан.

Он хватил лису за хвост, раскрутил и своим излюбленным приёмом, бросил её на середину озера. Лиса рыжим факелом пролетела несколько метров, плюхнулась в воду. Через мгновение на поверхности озера появилась её злая морда:

– Я всё равно доем эту курицу! – ощерилась лиса, показывая тонкие острые зубы – Тебе, дворняжка, тоже несдобровать, жди!

Она выбралась на берег и потрусила в лес, на ходу выплёвывая ругательства.

Полкан осмотрел крыло лебедя, спросил:

– Что же ты так неосторожно подпустил к себе лису, сынок?

– Утки взлетали, – грустно ответил лебедь. – Под шумок подкралась!

– Дай, я полижу тебе крыло. Собачья слюна лечебная. Рана быстро затянется.

– Напрасно, – обречённо вздохнул лебедь. – Скоро зима. Улететь не смогу. Замёрзну. Или умру от голода. За помощь спасибо тебе, добрый пёс...

– погоди, сынок, не отчаивайся! – заметил Полкан. – Сейчас сбегаю кое-куда и вернусь!

Дома в кладовой, Полкан схватил мешок с сухарями, побежал обратно на озеро в камыши. Хозяин не остановил его. Он верил своей собаке, напрасно не уйдёт, а ушла, значит, надо. Они были друзьями.

Теперь каждый день Полкан вылизывал лебедю раненое крыло. Кормил его размоченными в воде сухарями, сторожил. Лебедь день ото дня крепчал, а Полкан тощал. Бросить птицу Полкан не мог, лиса рядом, пёс чуял её. Утром, попьёт водички из озера, на том и поел. Зато по ночам, положив голову на лапы и жмурясь от удовольствия, слушал Полкан рассказы лебедя, об удивительных странах, о синих морях, об океанах, о диковинных рыбах, о гривастых собаках – львах, о полосатых кошках – тиграх, о жирафах с длиннющей шеей, о лошадях в полочку – зебрах. Слушал и дивился, как будто, сам побывал в тех далёких странах.

Так дожили они до конца осени. Она засыпала землю жёлто-красными листьями, собралась уходить. С неба время от времени спустились белые мухи – снежинки. Вода у берега затянулась ледком.

– Пора, отец! – грустно вздохнул лебедь – По утрам замерзаю, боюсь, не взлечу!

Полкан прослезился, наконец-то, белая птица признала в нём родную душу.

– Лети сынок! Возвращайся! – Полкан подтолкнул лебедя к воде. Сил не было провожать дальше.

Лебедь расправил крылья и уже почти взлетел, как из зарослей камыша на него кинулась лиса. Не могла рыжая забыть обиду. Ждала, когда собака обессилит. Злоба оказалась сильнее осторожности. Кинулась, да промахнулась, закусил не крыло, а ногу, повисла на взлетающей птице.

Отощавший Полкан, собрав последние силёнки, ухватил лису за хвост. Дёрнул и отодрал хищницу от улетающей птицы. Раскрутил её и бросил. Хвост не отпустил. Так и полетела, негодяйка, без хвоста, плюхнулась со всего маху в холодную воду.

Вынырнула, ошалело оглянулась, и поскакала в лес.

– Уходи из нашего леса! – крикнул ей вслед Полкан. – Без хвоста ты не лиса, а морская свинка. Агу, рыжая свинья, агу!

Бежала лиса скоро, прижимала уши. Слышала, как хихикает над ней лес, как смеются зайцы и птицы, как ухает филин. Поняла, нечего ей больше делать в этом лесу.

Полкан, пришёл домой, начал есть. Всё никак не мог отъестся, потом загрустил, затосковал. Каждую ночь, смотрел он на жёлтую луну. Подвывал, тихо-тихо, чтобы не слышал хозяин. Не хотел его будить, не хотел делиться тоской. Чем бы хорошим, а тоской ни хотел.

Зима для Полкана длилась долго. Она была снежной и солнечной, но радости собаке не приносила. Раньше он с удовольствием купался в снегу, бегал за хозяином по льду озера, играл с ним в догонялки. А в эту зиму он ждал.

Наконец, в воздухе зазвенела капель. Птицы стали стрекотать громче. На озере появились промоины. На утренней заре Полкан прибегал к тому месту, с которого улетел лебедь. Вытянув шею, всматривался в даль.

Лебединую стаю Полкан заметил сразу, как только та появилась из-за горизонта. Она летела, то показывалась, то скрывалась в облаках. Стая, чуть не дотянув до озера, резко свернула.

– Опять не мой! – горько вздохнул Полкан и собрался уходить, решив последний раз посмотреть вослед улетающим птицам.

Вдруг от стаи отделился красивый перламутрово-белый лебедь, он летел прямо на Полкана. И, тормозя крыльями о воду, причалил к тому месту, где стоял пёс.

– Привет, отец, вот и я! – лебедь положил у ног собаки большой, жёлтый банан. – Это тебе гостинец из дальней страны.

Пёс, присев на задние лапы, с нежностью посмотрел на птицу

– Спасибо, сынок, к несчастью, я не ем бананы. Но всё равно приятно! – Полкан потёрся мохнатой мордой о белое крыло лебедя. – Давай, рассказывай, где был, что видел?

– Спасибо, сынок, к несчастью, я не ем бананы. Но всё равно приятно! – Полкан потёрся мохнатой мордой о белое крыло лебедя. – Давай, рассказывай, где был, что видел?

– Спасибо, сынок, к несчастью, я не ем бананы. Но всё равно приятно! – Полкан потёрся мохнатой мордой о белое крыло лебедя. – Давай, рассказывай, где был, что видел?

– Спасибо, сынок, к несчастью, я не ем бананы. Но всё равно приятно! – Полкан потёрся мохнатой мордой о белое крыло лебедя. – Давай, рассказывай, где был, что видел?

О кроте и кролике

Крот Прохор был ещё очень молод, ему едва исполнилось три годика, но это не мешало ему жить самостоятельно, отдельно от родителей. Прохор имел благоустроенную норку, оставленную ему бабушкой, когда та совсем состарилась и ушла жить на небо. В этой норке кротик был полным хозяином. Мама, иногда, приходила к нему посмотреть всё ли в порядке: пожурить за разбросанные игрушки, за невымытую посуду, за неубранную постель. Но сделать этого мама не могла, по той простой причине, что у Прохора не было разбросанных игрушек, грязной посуды и постель была всегда прибрана. Прохор считался большим аккуратистом. Так оно и было на самом деле. У кротика начинало чесаться за ухом, если в норке неожиданно появлялся малюсенький беспорядок. Прохор тут же бросался его устранять. От роду Прохор, как и все кроты в мире был сильно подслеповат. Это не беспокоило его, потому что жил кротик под землёй, в полной темноте. На поверхность выходил редко, и только для того, чтобы пополнить запасы зерна в хранилищах. Походы наверх Прохор старался делать ночью. Ночью удобнее, никто не мешал. Люди с полей шли отдыхать в свои жилища, тракторы засыпали прямо на поле. Они спали так крепко, что ничто не могло их разбудить. Прохор спокойно набивал щёки зерном, возвращался в свои хранилища укладывать на полки новые запасы. Ему очень нравилось, как он живёт, как проводит время. Аккуратно разложив зерно по кучкам, Прохор принимался считать запасы. Считал долго с удовольствием. Чем зерна становилось больше, тем прекрасней и радостней делалась его жизнь. Считал Прохор вовсе не от жадности, нет, нет! Просто он любил складывать, вычитать, прибавлять и умножать. Арифметика была его страстью. Что же ещё он мог считать, как не зерно? Прохору было интересно, очень интересно! Никакой другой жизни кротик не хотел.

Однажды, как всегда, ночью, Прохор вылез из своей норки и потрусил на поле. Днём солнце подсушило солому так, что к вечеру, она звонко похрустывала под лапками Прохора.

– Хрусть-хрусть, хрусть-хрусть! – повторял кротик вслед за соломой – Раз хрусть, два хрусть, три хрусть...

– Ой! Ой! Ой-ё-ёй! – раздался посторонний звук. Кротик прислушался. Звук шёл из-под гусеницы трактора. Прохор быстро обежал машину и наткнулся на раненого кролика.

У бедняги гусеницей зажало лапку и она сломалась. Кротик попытался вытянуть кролика, но тот завопил так, что почти разбудил трактор. Тот забубнил, но быстро успокоился.

– Ой! Ой-ё-ёй! Лапка, моя лапка! – плакал кролик. – Не тяни, больно!

– Как, тогда, я тебя освобожу? – задумался Прохор. – Выход один – надо делать подкоп!

Кроты большие мастера сооружать подкопы. Вынув землю из-под лапки кролика, Прохор освободил бедолагу.

– Как ты здесь оказался, домашнее животное? Ты же не заяц по полям бегать? – поинтересовался кротик. – Как тебя зовут?

– Зовут? Как обычно, Крош! – зашмыгал носом кролик. – Из дома сбежал! Совсем затискала меня Алиса, моя маленькая хозяйка. Я её подарок на день рождения от бабушки! Каждое утро она играла мной. То собачкой представляла – ремешок на шею пристёгивала. То куколкой – в пелёнки заворачивала. Мочи больше не было терпеть, и я сбежал. Не вернусь больше!

– Это правильно! – одобрил решение кролика Прохор. – Нечего избалованным девчонкам потакать! Ты же не игрушечный? Живой! Гордость свою имеешь! Значит, идти тебе некуда? Придётся нести к себе, негоже раненного бросать, вылечу, тогда побежишь куда хочешь!

На том и порешили. Кротик хорошо ухаживал за кроликом. Приносил лечебные травы, заваривал чай с душицей. Сломанную лапку привязал к палочке, чтобы правильно срослась. Крош поправлялся. Когда лапка совсем зажила, кролик сказал кроту:

– Спасибо Прохор, ты хороший друг. Я перед тобой в неоплатном долгу. Может, побегим вместе мир посмотреть?

– Чего его смотреть? – удивился кротик. – Здесь у меня есть что посмотреть, гляди красотища какая!

Прохор распахнул двери хранилища, в нём золотыми горками лежало спелое пшеничное зерно.

– Впечатляет? – подбоченясь, гордо спросил Прохор.

– Красиво, нечего сказать! – удивился Крош. – Но на свете есть много других чудес!

– Например? – ухмыльнулся кротик.

– Ты слышал, как у озера, на утренней заре, лягушки хором прекрасную песню поют?

– Подумаешь! – засмеялся Прохор – Не поют, а квакают, спать мешают, безобразницы!

– Ты видел, как по степи несётся табун, гривы вразлёт, впереди вожак. Силища какая, мощь, аж дух захватывает!

– Ну, уж нет! – замахал лапками Прохор. – Топают так, что с потолка норки земля осыпается, прибирай потом за ними. А гул стоит какой? Голова болеть начинает, лекарства приходится пить.

– А радугу на небе когда-нибудь видел? – не унимался Крош.

– Откуда ты всё это знаешь? – удивился Прохор. – Нигде не был, ничего не видел, только в клетке сидел?

– Отец моей маленькой хозяйки – охотник, – мечтательно произнёс кролик, – слышал я его рассказы. Захотелось самому посмотреть. Говорил он, что когда на радугу глядишь, мурашки от счастья по телу бегут. А если её, радугу, хоть раз в жизни, не увидишь – всё! Жизнь прошла зря.

– Зря говоришь? – задумался кротик – Как же я её узрю, если я слепой! Пелена у меня на глазах от рождения!

– Пустяки! – обрадовался Крош. – Побежали к дятлу, он лучший в лесу глазной врач, осторожно клювиком пелену вмиг снимет!

– Больно будет, я боюсь! – замялся кротик.

– А мурашки, а радуга?! – вскрикнул кролик. – Ты же никогда её не увидишь!

– Пошли! – решил Прохор.

Выслушав друзей, дятел удивился:

– Зачем это тебе, Прохор? Ты в норе живёшь, там темно, глаза не нужны!

– Радугу хочу увидеть! – тихо ответил кротик.

– Радугу?! – ещё больше подивился дятел. – Хочешь радугу увидеть? Молодец! Открывай глаза шире, будем снимать пелену.

– Ну, что разве больно? – спросил друга Крош, после того как дятел закончил операцию.

– Нет, не больно. Вот это и есть радуга? – грустно спросил кротик, глядя в голубое небо.

– Что ты! – засмеялся дятел. – Радуга будет в полдень. После дождя. Когда солнышко умоется, заискрится в капельках, улыбнётся, вот тогда будет радуга! Идите вон на тот холмик, оттуда радугу лучше всего видно!

Друзья успели прибежать на холмик вовремя, дождик начал накрапывать, а потом пошёл быстрее и быстрее. Облако из большой мокрой тряпочки превращалось в маленькую. Солнышко, наконец, выглянуло, открыло глазки, протёрло их оставшимся кусочком облачка, и выпавшиеся глазки засияли. Солнышко улыбнулось. Тогда по небу разлилась РА-ДУ-ГА! Радуга была похожа на большое, разноцветное коромысло. Коромысло искрилось таким многоцветьем, что невозможно было понять, где красный цвет переходит в оранжевый, оранжевый в жёлтый, жёлтый в зелёный, зелёный в голубой, голубой в синий, а синий в фиолетовый. Радуга повисла над головами изумлённых друзей и замигала им жёлтым цветом.

– Внимание, внимание, это я! Красивая, правда?!

– Ну, как, мурашки от счастья по телу бегут? – спросил Крош Прохора.

– Ещё как! – тихо ответил кротик, не отрывая глаз от радуги. – Спасибо, друг! Я у тебя в неоплатном долгу!

– Квиты! – радостно ответил кролик.

О белом грибке и белке

Он появился на свет Белым грибом. Едва-едва показавшись из материнской грибницы, к слову сказать, грибница, это та колыбелька, в которой произрастают все грибы на свете, боровичок уже знал, что он непросто гриб, а царь грибов – благородный белый гриб Боровик. Его грибница-колыбелька примостилась на корнях могучего дуба. Она предусмотрительно прикрылась от чужих глаз одеяльцем из прелых листьев. Как раз листья и поведали новорождённому грибочку, о том, что на всём белом свете нет вкуснее и изысканнее его. Они нашептали малышу, что повара только и мечтают заполучить Боровичка для приготовления вкуснейшего блюда, достойного королевского стола. Они убедили несмышлёныша, что именно это блюдо, будет самым настоящим сокровищем мира. И слава его, белого гриба Боровика, будет огромная и неувядаемая.

Показавшись на свет, малыш самодовольно заявил:

– Я царь грибов! Из меня приготовят блюдо Президенту!

Он вскинул коричневую шляпку вверх, выставил вперёд толстую ножку, подбоченился и надул щёки. Его распирало от гордости и бесконечной любви к самому себе.

В такой позе его увидела, пробегающая мимо белочка.

– Ой, какой крепенький, молоденький! – засуетилась она. – Полезай ко мне в корзинку, сделаю из тебя запас на зиму, деток кормить.

– Ополоумела, что ли, косматая? Я Белый гриб, всем грибам гриб! Я есть, да не про твою честь! – заголосил гриб. – Меня сам Президент к столу ждёт!

– И давно ждёт? – удивилась белка.

– Целый день сегодня ждёт! – твёрдо сказал гриб и притопнул ножкой.

– Да-а-а? – удивилась белка, задумчиво почёсывая лапкой за ушком. – Вот ещё сегодня подождёт, а завтра уже не будет!

– Это почему? – изумился гриб.

– Послезавтра, ты будешь уже старый, невкусный! Может, передумаешь, пойдёшь ко мне в запасы? Деток моих зимой накормишь, детки расскажут своим деткам, какой ты был вкусный, а те детки своим деткам и слава о тебе будет огромная и неувядаемая. Пойдём!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.